

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 130.2+37.03

С. З. Гончаров

РОССИЯ НУЖДАЕТСЯ В СУБЪЕКТНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. На основе сравнительного анализа типов философствования в статье раскрываются преимущества субъектной философии, которая является наиболее адекватной универсальной сущности общественного человека и открывает перспективы для России как креативного общества культурной самостоятельности. Объектный принцип мышления ограничен «определением извне». В его логике люди низведены до частичек социальной машины, до объектов манипулирования. Отделение деятельности от самостоятельности, изменение объекта от «самоизменения» субъекта, исполнительских функций от нормотворческих порождает отчужденную практику, социальную ситуацию, в которой индивиды производят собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бытие иного против самих себя.

Субъектность есть такая форма социальной активности, которая характеризует лица и коллективы согласно их способностям к самоопределению, самоорганизации, самоуправлению, нормотворчеству; их реальным полномочиям, правам и обязанностям в области реализации социальных потребностей и целей; их действительной властью над стихийными силами природы и общества. Субъектная философия способствует тому, чтобы материальное производство стало лишь средством культивирования целостных и самостоятельных индивидов на основе фундаментализации образования и расцвета культуры. Накопление капиталов превращается в средство накопления культуры и роста креативности лиц.

Результаты предпринятого автором анализа и его выводы могут быть применены в разработке креативно-антропологических основ философии, педагогики, психологии, экономики и политологии, а также в преподавании соответствующих дисциплин.

Ключевые слова: объектный и субъектный принципы мышления, логика «определения извне» и логика «самоопределения», самодетерминации, субъектность человека, самоопределение, самостоятельность, нормотворчество, исполнительство, капитал, культура, универсальность человека.

Abstract. Based on the comparative analysis of different kinds of philosophic thinking, the paper reveals the advantages of subjective philosophy – the most adequate universal essentiality of socialized human being, opening the prospects for Russia as the creative society of cultural spontaneous activity. Objective principle of thinking is limited by the logic of outward definition. According to the above logic, people are regarded as tiny parts of social mechanism, the objects of manipulation. Separating

action from spontaneous activity, object changes from self-alteration of human subject, executive functions from norm-creating ones brings about alienated practices and such social situation that makes individuals perceive their own existence as alien non-existence, or opposing existence.

Subjectivity is a form of social activity regarding individuals and groups according to their ability in self-definition, self-organizing, self-control, norm-creating, as well as their actual rights and duties in social spheres of needs and objectives, and their feasible power over forces of nature and society.

Subjective philosophy perceives the material production as the means for cultivating wholesome and spontaneously active individuals due to educational fundamentality and cultural prosperity. Accordingly, accumulation of capital turns into accumulation of culture and personal creativity growth.

The results of the undertaken analysis and its conclusions can be implemented in developing creative anthropological bases for philosophy, pedagogy, psychology, economics, political science, as well as the relating discipline teaching.

Index terms: objective and subjective principles of thinking, logic of outward definition and self-definition, self-determination, subjectivity of man, self-definition, norm-creating, execution, capital, culture, man's universality.

В истории философии представлены *объектный* и *субъектный* принципы мышления. В первом случае философы исходят из *внешнего* первоначала, с которым они согласовывают научное, ценностное и практическое освоение действительности. Человек при этом соотносит свое существование с той или иной внешней инстанцией, будь то Космос, Природа, Общество, социальные институты и др. Во втором случае основанием для постижения внешней реальности является человеческая субъектность.

До Сократа древние греки, образно выражаясь, молились на звезды (космоцентризм «физиков»). Сократ предложил опираться на достоверность человеческого разума. Начался период расцвета античной классической философии. М. Лютер утвердил принцип Сократа в католицизме и породил целое направление в христианстве – протестантизм. От церковного внешнего авторитета он решительно перешел к авторитету личной веры и так вознес субъектность человека, что она стала центральным моментом последующей философии.

А. Смит, в отличие от физиократов, видел источник стоимости товаров уже не в *земле*, а в *труде*. Это понимание было началом периода классической политической экономии. Ф. Энгельс с полным основанием назвал Смита «Лютером политэкономии» [9,

с. 549]. Кант с присущей ему основательностью развил субъектный принцип в своих знаменитых «Критиках», сознательно исходя из *свободной самодеятельности субъекта*. Свой метод он сам оценивал как «коперниканский переворот». Начался период классической немецкой философии.

«Переворот» Канта героически продолжил И. Г. Фихте. Гегель универсализировал субъектный принцип как методологический: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное, не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [2, с. 1]. Л. Фейербах этот решающий принцип новой философии обосновал скорее эмпирически, назвав его антропологическим. Переход Фейербаха к анализу реальности как *человеческой действительности* или к *действительному человеку* был закономерен. Новый эвристический принцип невозможно было плодотворно развивать, оставаясь в рамках одной методологии.

К. Маркс последовательно реализовал субъектный принцип в философии, политэкономии и политологии. Главный недостаток предшествующего материализма он видел в том, что «предмет, действительность чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, практика», не субъектно [6, с. 3]. «Единственно интересными» в гегелевской диалектике он считал противоположность между «*в-себе* и *для-себя*, между *сознанием* и *самосознанием*, между *объектом* и *субъектом*». Эта противоположность, писал К. Маркс, составляет «смысл» всех других противоположностей в философии Гегеля [7, с. 157]. Ее эвристическую мощь философ раскрыл уже в своей диссертации, излагая принципиальное различие между объектной философией Демокрита и субъектной философией Эпикура. Эпикур для обоснования свободы людей «заставлял» атомы спонтанно, самопроизвольно отклоняться от прямой линии, тогда как Демокрит толковал движение атомов строго детерминистически.

В одном из последних писем К. Маркс отмечал, что реконструкцию античного самосознания он дал тридцать лет назад. Таким образом, он не считал использованный им в диссертации метод чем-то противоречащим своей последующей методологии. Метод данной реконструкции состоит в том, что натурфилософские построения есть проекции той или иной *социальности* на природу,

космос и т. д. Так, с крушением феодальных устоев благодаря трудам И. Канта сошла со сцены онтология Х. Вольфа. А финансовая вседозволенность современных экономических практик проявляется в причудливой форме в построениях постмодернистов. Как «финансовые пирамиды» не обеспечены реальным приростом потребительных стоимостей, так же «знаковые пирамиды» постмодернистов не обеспечены *реальным предметным значением*.

За философскими «онтологиями» всегда скрывается тот или иной образ жизни людей.

Категория «бытие-для-себя» выступает у Маркса *логическим фундаментом* в понимании субъектности, под которой он подразумевал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояновление», «самоосуществление». Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение об их «самоизменении» путем практического изменения обстоятельств, в котором человек выступает одновременно и субъектом, и объектом собственного действия; и воспитателем, и воспитуемым; и законодателем, и исполнителем собственных принципов. Неспособность к духовному самоопределению и волевому самоуправлению философ считал крайней степенью деградации, поражающей творческую основу человека.

Кант выразил тот основополагающий факт, что люди воспринимают мир в тех формах, в которых они сами преобразуют реальность. Маркс соотнес этот метод с историей людей, деятельно воспроизводящих свою социальность, все свои способности и отношения. «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот» [5, с. 9] и предстала «как философия человеческой практики» [5, с. 7], но практики, взятой на высоте теоретических принципов. Диалектика Маркса производна от субъектного принципа его философии.

Программную идею Гегеля – выразить истинное не только как субстанцию, но и как субъект – Маркс, как и его последователь В. И. Ленин, реализовал в теоретической и практической деятельности. Эта идея означает, что люди *не преклоняются* перед объективными обстоятельствами, которые они *сами* и создают, но превращают обстоятельства в *органы своей собственной коллек-*

тивной воли и направляют события согласно своим целям и ценностям. Люди это делают, но не всегда осознают. Программная идея Гегеля ясно выражена в знаменитом положении Ленина о том, что *политика не может не первенствовать над экономикой*. Иначе выражаясь, всадник не может не первенствовать над лошадью, хотя без лошади он никуда не ускачет. Когда ряд авторов усматривают в данном положении Ленина противоречие с теорией Маркса, то невольно вспоминается запись первого о том, что 99,9% большевиков не поняли последнего потому, что не усвоили диалектику Гегеля.

Всякий раз, когда философия развивалась на основе субъектного принципа, она цвела и наполнялась жизненно конкретным и глубоким содержанием. То же можно сказать об этике, эстетике и психологии. Объектный принцип, «безлюдная онтология» парализуют интеллектуальную динамику, духовное дерзновение и смелость мысли. Причины этого обусловлены следующими особенностями:

1. В рамках объектного мышления индивид поглощен *внешней реальностью*, его подавляет бескрайность мироздания, он отыскивает все новые детерминации активности людей – образно выражаясь, надевает на индивидов «наручники», сковывая их самостоятельность. Такая позиция есть *объективизм*, за которым скрывается трусость начать новые причинные ряды самому, объединяясь с другими людьми.

2. Объектный принцип накрепко скован логикой *определения извне*: одно действует на другое, а другое – на иное другое. И так до бесконечности, которую Гегель назвал «дурной». При этом до чего не может подняться мышление, так это – до логики самоопределения, самопричинности, самодетерминации, самостоятельности.

Не следует смешивать объектную установку с объективным методом научного мышления. Данный метод есть великое завоевание разума. Объектная же установка сродни объективизму, «хвостизму» на поводе у событий, тотальному, всеохватному детерминизму; она связана с переносом естественнонаучного метода в понимании природы на социальную реальность. В природе доминирует «бытие-в-себе» и «бытие-для-другого», т. е. *детерминация*

извне. Объектный язык естествознания сформировался на познании *вещей*, не обладающих *свободой воли*. Научное понимание человеческой реальности правомерно в той степени, в какой эта реальность выступает в своей *объективированной* форме. Переносить целиком объектный язык естествознания на *субъектные* процессы значит уподоблять субъектов со свободой воли *вещам* ценой огрубления и упрощения. Такой язык неадекватен, если наша активность является намеренной, осознанной и поэтому субъективно удвоенной и усиленной пониманием и знающим себя переживанием. На субъектном уровне место причинности занимают ценностно-смысловые соотношения, самодетерминация, произвольная самодеятельность, целеполагание.

3. В социальном плане логика «определения извне» выражает те ситуации, в которых люди низведены до *частичек социальной машины*, до *объектов манипулирования*. Подобная социальная детерминация формирует привычку жить по извне полученным правилам и нормам, впечатывает в сознание логику «определения извне», и такая логика превращается в «достоверный» навык мышления, который выдается за всеобщую схему миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно научной, а логику самоопределения (диалектику) толкует как «темную гегельянщину».

Именно *отделение деятельности от самодеятельности*, изменение объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительских от нормотворческих порождает отчужденную практику, ту социальную ситуацию, в которой индивиды производят собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бытие иного против самих себя. Именно так это ныне происходит в России. В конечном счете, логика определения извне – продукт взаимного отчуждения людей друг от друга по разным причинам.

Ограниченность логики «действия на другое» побуждает и теоретиков естествознания переосмыслить казавшуюся ранее очевидной логическую основу общего воззрения на предмет. В естествознании, математике, подчеркивал В. С. Библер, поставлена под вопрос *«всеобщность классического предмета (и субъекта) – точки действия на другое»*. В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания.

Это – «идея предмета как “causa sui”», «идея движения как самодействия, самодеятельности» [1, с. 191]. С возрастанием в обществе личной свободы изменяется и методология науки – предметная область толкуется по подобию человеческой самодеятельности.

Против логики «действия на другое» боролись классики философии. «Самопричинность» (causa sui) субстанции у Спинозы, «самодеятельность» монад у Лейбница, «самоопределение» и «самополагание» я у Канта и Фихте, «для-себя-бытие» у Гегеля, «самоизменение» субъекта у Маркса – эти родственные идеи выражали логику, позволяющую верно понять *самонаправленную* социальность.

Субъектный принцип мышления означает становление человека человеческим трудом, историческую самодеятельность и сознательное волевое самоопределение людей, самополагание ими условий и предпосылок собственной жизни и общественного процесса.

Люди находятся в существенном субъект-субъектном отношении друг к другу и соотносятся сами с собой, со *своей родовой культурно-исторической сущностью*; поэтому они – «самоустремленные» существа: за предметно-чувственной оболочкой социальной действительности они схватывают выраженные в ней свои собственные воплощения и отношения, социальные отпечатки, «отвердения», социальные свойства, значения. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д., – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» [8, с. 222].

В русской классической философии субъектный принцип был развит не с позиций практического активизма, но в принципиально новом – *духовно-ценностном* аспекте, который был раскрыт без мистификации в трудах мыслителя Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Ильин отлично усвоил достижения немецкой философской классики. Но он усвоил и трагический опыт XX в. В его работах субъектный принцип был развит с позиций предметной и конкретной аксиологии, вобравшей в себя ценностные основы православия, святоотечественного предания и классической русской культуры.

Замечательно то, что именно субъектный принцип позволил И. А. Ильину избежать как растворения человека в божественном начале, так и утилитарной прагматичности протестантизма в раскрытии человеческого и божественного. Философ вознес этот принцип на ту достойную духовную высоту, с позиций которой можно и нужно успешно решать назревшие задачи российского общества.

Продуктивность субъектной философии была парализована в советский период именно объектным принципом философствования («безлюдной онтологией»), разными «атрибутивными моделями бытия»; сразу исчезли интеллектуальная динамика, атакующий и наступательный стиль, духовное дерзновение и смелость, столь присущие этой философии. В советской философии возобладал объектный принцип. На его преодоление были направлены работы Г. С. Батищева, В. С. Библера, Э. В. Ильенкова, К. Н. Любутина, Д. В. Пивоварова, Ф. Т. Михайлова и др.

Субъектный принцип начинает доминировать в философии, как правило, тогда, когда *прежние формы общества уходят со сцены общественной жизни и вытесняются новыми*. И новая социальность стучится в «двери» разума.

Субъектность есть такая форма социальной активности, которая характеризует лица и коллективы в аспектах их способностей к *самоопределению, самоорганизации, самоуправлению, нормотворчеству*; их *реальных полномочий, прав и обязанностей* в области реализации социальных потребностей и целей; их *реальной власти* над стихийными силами природы, общества и психики.

Субъектная философия – достояние *восходящего* общественного класса. А. Смит открыл своей теорией дорогу новому способу производства. Классики немецкой философии теоретически подготовили и идейно закрепили процессы французской революции. Маркс обосновал идеологию грядущего общества.

В современных условиях восходящим классом является большая социальная группа специалистов во всех сферах общественного производства, создающих своей деятельностью общественно значимый продукт.

Объектный же принцип преобладал во времена, когда общественные формы устоялись и конструкции объектной философии теоретически подпирала устои самоудовлетворенного и самодовольного

общества. Монополия КПСС на субъектные функции граждан утвердила в их образе жизни исполнительство и тиражирование социальных штампов, тем самым парализовав их инициативу и самостоятельность. По выражению А. С. Панарина, евнухи от идеологии заперцали образованному обществу самостоятельно пользоваться своим мышлением. Под прессом идеологических запретов выросло протестное движение, во многом подпольно-криминальное и антигосударственное. И такое движение разрушило великий геополитический материк под названием Советский Союз.

Вопрос о субъектности – это вопрос не только о должной креативной антропологии, о самостоятельности граждан, но и о безопасности государства, о справедливости и благе народа.

И. Кант осознал фундаментальное обстоятельство. Люди искали вне себя абсолют, объявляя им то одно, то другое (онтология). Но всякий раз оказывалось, что найденный абсолют находится в их собственном мышлении. И вот Кант указал на такой факт, абсолютное значение которого вряд ли кто-либо будет отрицать. Что же оказывается неизменным для человека в меняющихся обстоятельствах? Что бы ни происходило в пространстве и во времени, как бы ни изменилось даже космическое обитание людей, таким абсолютом выступают сами люди, их взаимная связь. Первичность социальной связи является для них ведущим мотивом, смыслом и критерием оценок всех их построений – от экономических до религиозных.

Люди всегда будут воспринимать и мыслить события с позиций интересов и целей, более или менее частных, но именно человеческих. И никогда не выйдут за пределы человеческого миропонимания, поскольку остаются людьми. Если все это так, то коренной вопрос заключается в выяснении того, в чем состоит универсальная природа человека, модифицированная в ходе истории, и как надо созидать техносферу, экономику и политику, чтобы они были адекватны. Таким образом, *антропология* первична по отношению к иным отраслям социально-гуманитарных наук. Мы полагаем, что философским сопровождением грядущей исторической ступени может стать *креативная культурная антропология* как наиболее адекватная духовная оптика в восприятии и понимании человека.

Как опредмеченный труд произведен от труда *живого*, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Само-

возрастание капитала в его вещной форме следует подчинить *самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в креативно-антропогенную сферу* – в образование, культуру, социальную инфраструктуру. Экономическая сфера общества – не самоцель, а основание для развития социальной сферы, в рамках которой творится культурное воспроизводство поколений, т. е. социальная сфера есть «то, ради чего», ибо самоцелью для людей выступают сами люди, взятые в их взаимных отношениях. Кризисное состояние современной экономики сигнализирует об одном – пора экономике обрести свою истинную цель, чтобы перестать быть «самоедской экономикой» потребляющей природные и человеческие ресурсы ради прироста капитала любой ценой.

Принцип субъектности обязывает изменить соотношения: производство средств жизни должно стать лишь средством для культурного производства целостного человека; не нравственность надо согласовывать с экономикой, а *экономику и политику* – с нравственностью. Необходимо трансформировать установку общественного производства в целом: накопление капиталов – средство накопления культуры; не увеличение рабочего времени для роста капитала, а уменьшение этого времени для увеличения пространства духовно-культурного возрастания каждой личности.

Читая и слушая доклады на экономических конференциях по вопросам экономического роста, невольно задаешься вопросом: почему экономическая мысль замыкается на проблемах экономики *вне связи* с основным вопросом – какова цель функционирования экономики. Ведь экономика есть *подсистема* целого – общества; и назначение экономики в составе целого дает ключ к решению и внутриэкономических задач. Но не наоборот. Г. Х. Попов, бывший мэр Москвы, пустил в оборот выражение «самоедская экономика». Тогда оно относилось к советскому периоду. Но ныне разве не «самоедская экономика», только ориентированная на прибыль любой ценой? Прибыль стала самоцелью, ради нее истощаются природные ресурсы, здоровье людей, свертываются культура, воспитание, образование, духовный потенциал и здоровье нации.

За последние почти 400 лет европейцы так срослись с экономическими стереотипами, что последние воспринимаются как ак-

сиомы математики, без всякой рефлексии. Например, зависимость от природной стихии (извержение вулканов, землетрясения, цунами и т. п.) всеми воспринимается как слабость людей. Но стихия рынка, от которой страдают не тысячи, а миллионы индивидов, напротив, толкуется как единственно возможная регулирующая мера!

Почему неизмеримо бóльшая часть прибыли от совместного труда присваивается капиталистами в такой ее величине, которая делает одних сверхбогатыми, а других – нищими? Потому что таковы законы рынка. Вот такой *бессубъектной*, покорной стихийным обстоятельствам «теории» обучают современные поколения. Как будто «доход от капитала», «законы рынка» возникли сами собой. Люди как субъекты всегда, в конечном счете, являются первичными, а отношения собственности производными от совместной деятельности и общения.

Экономикоцентризм с его редукцией культуры до стоимостных показателей (максимум прибыли, минимум совести), социал-расизм в отношении к «неприспособленным», «постнравственная» и «постправовая» политика с позиций силы по отношению к государствам, защищающим национальную культуру и экономику, и другие факторы свидетельствуют о крахе установок экономико-центризма и о необходимости утверждения новой ценностной доминанты для качественно иной социальности.

Пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей все к единому параметру оценки социальной эффективности – стоимостному. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое сам же капитал и развивает.

Надо выпрыгнуть из клетки буржуазно-стоимостной ментальности: труд, а не капитал, призван стать властелином, ибо капитал есть накопленный труд, и сам по себе он не имеет иного субстрата; значит, труд должен управлять капиталом; накопление капитала есть средство для накопления культуры, креативной емкости человека; не нравственность надо согласовывать с экономикой, а экономику – с нравственностью.

Стоимостная форма продукта будет и в обозримом будущем. Стоимость сохранится в качестве учета трудовых затрат как показатель для регулирования необходимого рабочего времени, а не

как цель производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении овещения и социального фетишизма.

Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это *социальная редукция*, враждебная культуре и исторически преходящая форма хозяйствования, своего рода смута в общественном сознании.

Общественное богатство существует в трех формах – натуральной, стоимостной и субъективно-личностной. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека), превратился в средство созидания богатства вообще, в созидание «сумасшедшей» (К. Маркс) формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную оценку. Стоимостная форма богатства утвердилась как самоцель! Количественный параметр богатства взял верховенство над его качественным креативно-антропологическим содержанием. Но ведь стоимостные показатели вполне можно использовать как инструмент – измерять эффективность производства людьми собственной жизни отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира». Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления. Экономика при таком критерии предстает как прикладная, практически реализуемая антропология.

Субъектность становится важнейшей характеристикой личности именно потому, что ранее выработанные продуктивно-творческие и производительные силы людей уже развились настолько, что частная монополия на их присвоение стала очевидным *тормозом* общественного развития. И новые поколения справедливо встают против монополии на образование и культуру. Неизбежно наступает период превращения коллективно развитых продуктивно-творческих сил в индивидуальное достояние каждого, в целом – в общественное достояние. И такая тенденция будет усиливаться. Подобие народного социализма намечается в Венесуэле, Боливии; левеет Чили, Перу, Никарагуа. Пример Китая, Вьетнама, Кубы, Беларуси не померк. Латинская Америка краснеет от социализма, а мы в России краснеем от стыда за отказ от него – от *общества*

социальной справедливости. «В итоге, одни получили в свое распоряжение несметные богатства страны и стали свободными во всех отношениях, в том числе от законов и каких бы то ни было моральных норм. Другие же, наоборот лишились даже тех прав, которые имели в прошлом, и впали в полную зависимость от своих работодателей при безразличии к их судьбе со стороны государства и всего общества. Таковы реальные плоды импортированной извне свободы и демократии» [3, с. 472].

Дважды Россия пыталась пойти по капиталистическому пути: сначала после отмены крепостного права, затем – после 1991 г. Первая попытка закончилась трагедией 1917 г., а вторая уже завершается трагикомедией, точнее фарсом. Это призывает людей легко расстаться с нелепой затеей – строить капитализм после социализма.

Создавать следует креативное общество культурной самостоятельности, которое адекватно сущности человека. А эту сущность в потоке современных диссертаций толкуют феноменологически, описательно, внешним образом – как «биосоциальную», «био-социокультурную», «природно-социально-духовную»; т. е. определяют плюралистично и эклектично. Так можно договориться до «сшитой из лоскутов» «квантово-физико-химико-био-социо-культурно-духовной» сущности.

По составу своего организма человек, конечно, образован на все 100 процентов из природного материала, из остывшей звездной пыли. Но сущность его на 100 процентов сверхприродна. Замечательный советский философ Эвальд Васильевич Ильенков, автор классической теории идеального, в заключительной части своей книги писал: «Что же касается понятия “человек” в подлинном смысле слова, то его “определенность” заключается в отсутствии всякой заранее и навсегда закодированной в нем определенности. В универсальности. <...> Разумеется, будучи в принципе, в “сущности” универсальным, реально-эмпирически любой человек – не универсальное, а определенное (т. е. “ограниченное”) существо. Человек есть там, где есть такая индивидуализированная универсальность, “оединиченная всеобщность”. Или “всеобщая индивидуальность”, личность, что одно и то же» [4, с. 290].

Задача, следовательно, состоит в приведении в соответствие жизнеустройства людей с универсальными возможностями каждого из них. Целостное развитие индивидуальности – таков ясный и понятный критерий эффективности и для экономики, и для всей системы образования, от детского сада и школы до вуза. «Общество стало уже достаточно богатым, чтобы позволить себе развивать свою культуру не за счет превращения индивида в профессионально-ограниченного, “частичного” человека, а за счет максимально полного развертывания всех возможностей, заложенных в нем природой» [4, с. 291].

Реализация универсальной сущности человека связана с автоматизированной техносферой и с формами отношений, просторных для самостоятельности людей. Это – объективная предпосылка. Субъективной же предпосылкой являются *субъективные* качества людей, духовно-нравственный уровень их самосознания. Вопрос об основах универсальности человека мы попытаемся проанализировать в следующей статье.

Литература

1. Библер В. Мышление как творчество. М., 1975.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Соч.: в 14 т. М., 1959. Т. 4.
3. Дзарасов С. С. Переосмысление социализма XXI века // Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культур. революция, 2009.
4. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968.
5. Любутин К. Н. Философия в современном мире // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург, 1996.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1974. Т. 42.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1969. Т. 46, ч. 2.
9. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1955. Т. 1.